

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС «МАНАС» КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОГО РОДСТВА ТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И УСТНОГО ФОЛЬКЛОРА

HEROIC EPOS "MANAS" AS AN OBJECT OF RESEARCH OF GENETIC RELATIONSHIP OF TURKIC RUNIC ARTIFACTS AND ORAL FOLKLORE

**N. Vladimov
A. Gadzhieva
A. Sheriyev**

Summary. The article substantiates the possibility of comparing the Turk runic texts with the epos "Manas" in order to reveal the commonality and genetic relationship of the languages and cultures of the Turkic peoples, including the Kyrgyz one, at different historical stages of development.

Keywords: Kyrgyz language, runic texts, genetic relationship, pan-Turkism, "Manas" epos.

Владимов Николай Владимирович

К.филол.н., ФГКВУ «Военный университет» (г. Москва)
vladimov@mail.ru

Гаджиева Анар Ахметбековна

К.филол.н., доцент, ФГКВУ «Военный университет»
(г. Москва)
nuanar@yandex.ru

Шериев Абдыганы Жээналиевич

К.филол.н., доцент, ФГКВУ «Военный университет»
(г. Москва)
oshagci@rambler.ru

Аннотация. В статье обосновывается возможность сопоставления данных руники тюрков с данными эпоса «Манас» с целью выявления общности и генетического родства языка и культуры тюркских народов, в том числе и кыргызского, на различных исторических этапах развития.

Ключевые слова: кыргызский язык, рунические тексты, генетическое родство, пантюркизм, эпос «Манас».

С введением в научный оборот текстов, языка и тезауруса памятников древнетюркской письменности значительно расширилась сфера изучения и оформился ряд новых подходов в интерпретации их жанровой природы. До этого ученые тюркологи были сосредоточены преимущественно на дешифровке и интерпретации надписей орхонской группы. Несколько позднее исследователи обратили внимание на более краткие по объёму памятники енисейской письменности.

Появились попытки отжествления жанра тюркских рунических памятников (далее ТРП) с жанрами фольклора на основе сходства композиционных и стилистических особенностей. Хотя учеными были высказаны и написаны определения жанра ТРП как «кладбищенская поэзия» [Малов 1951], «ритуальный», т.е., литературный язык (по Тенишеву Э.Р.), «... являлся письменной фиксированной формой наддиалектного койнэ, выработанного, вероятно, задолго до времени первых рунических памятников», «нормализованность на всех уровнях языковой структуры, наличие стилистической дифференциации и употребление формул и клише в высоком стиле свидетельствуют о приобретении статуса литературного языка, представляющих собой сочетание историографических повествований с этико-политическими прокламациями» (по Тенишеву Э.Р., Кормушину И.В. и др.) [Тени-

шев 1976: 165; Тенишев (ред) 1997: 90]. Такое толкование жанра ТРП, вероятно, и стало толчком к тому, что сторонники фольклорной теории постоянно подчеркивали значительное стилистическое сходство памятников устного творчества и рунических надписей. По их мнению, формульный стиль, наличие клише, элементы дидактики и назидания считаются достаточным основанием, для вывода о том, что древнейшая тюркская литература оформилась в недрах фольклора. С.Г.Кляшторный отмечал, что в этом подходе было заметно естественное желание увязать ранние литературные памятники тюрков с гипотетически реконструируемым фольклорным миром давно минувшей эпохи. Им же отмечен наиболее характерный недостаток таких предположений: «Реконструкция, впрочем, была осуществлена простейшим способом — в прошлое опрокинуто исторически недавнее эпическое наследие современных тюркских народов» [Кляшторный 1992: 7].

Глубокий анализ и подробную разработку жанровой специфики ТРП дал в своей работе Д.В.Рухлядев [Рухлядев 2005: 203–253]. В исследовании показан генезис определения жанра ТРП в качестве специального рассмотрения в хронологической протяженности. Приведены, в качестве примера высказывания известных тюркологов прошлого и настоящего. Самое важное, на наш взгляд, в работе дана четкая градация орхонских и ени-

сейских рунических памятников. Енисейская письменность, несомненно, более ранняя форма письменности, чем орхонская. По мнению исследователей, енисейские надписи предшествовали орхонским и в определенной степени являлись их источниками [Мелиоранский 1898: 280; Мелетинский 2004: 249–252, 366–372; Бомбачи 1986: 196; Унгвицкая 1973: 73–83; Унгвицкая 1971: 54]. Однако ТРП рассматриваются учеными как единый композит письменности древних тюрков, хотя в них имеются различия в их хронологии и генетической общности [Тугушева 1978: 115].

Многолетние споры ученых по жанровой принадлежности ТРП дали богатый материал по исследованию как самих ТРП, так и героического эпоса тюркских и монгольских народов. Сходство стиля ТРП со стилевыми особенностями героического эпоса отмечают почти все исследователи. Тем не менее, диапазон мнений довольно широк: от полного сходства эпоса и ТРП до полного отрицания жанрового и языкового сходства героического эпоса с руническими памятниками. Свою лепту внесли в определение жанра ТРП и тюркской эпик и зарубежные исследователи [Bazin 1964: 346; Бомбачи 1986: 193; Başgöz 1978: 312; Rona Taş 1991: 28–29; Dankoff 1981: 87; Zamrazilova-lakmyr 1991: 314–316; Aalto 1991: 4]. Венгерский тюрколог Рона Таш высказал даже предположение по датировке становления единого тюркского литературного языка в период с 550 до 700 гг. на базе общетюркского койнэ (средства межплеменного общения).

Мы видим определенную закономерность в том, что исследователи, кто в большей, кто в меньшей степени, выражают мнение о генетическом родстве ТРП и кыргызского героического эпоса «Манас» [Фалев 1922: 22; Мелиоранский 1898: 280; Бернштам 1942: 10–13; Ауэзов 1961: 54–59; Жирмунский 1968: 81; Жирмунский 1974: 678; Мелетинский 2004: 366–370; Тенишев 1997: 29; Кыдырбаева 1980: 117, Садыков 1992: 22–25;]. Принимая во внимание наиболее приемлемое мнение исследователей, что жанр ТРП — это «элементы устной эпик и исторической хроники, которое достигалось при помощи наложения элементов фольклорной стилистики на реалистическую повествовательную основу» считаем, что есть возможность на уровне лексического материала героического эпоса «Манас» попытаться утвердить основные положения вышесказанного постулата.

Попытка на уровне лексики рассмотреть общность и родство, степень сохранности лексем ТРП в языке эпоса будет подспорьем к определению становления основных этапов морфологии эпоса и современного кыргызского языка. Исходя из того, что исследователями предложены 3 периода становления кыргызского языка: 1 — енисейско-иртышский VIII–XII вв. — древний;

2 — алтайский XIII–XIV вв. — средний; 3 — тянь-шаньский XV–XVI вв. — новый [Тенишев 1997: 28], данные эпоса могут стать очень ценным материалом для установления основных этапов развития кыргызского языка. Материал героического эпоса, основной стержень создания которого, по мнению исследователей, приходится на древний период функционирования, т.е., на IX–XI вв. нашей эры, может восполнить лакуны и в отношении языка, и самого эпоса.

Этому способствует огромная хронологическая протяженность существования эпоса, устная передача из уст в уста из глубокой древности до наших дней (сказывается эпос и в наши дни), многовековой исторический фон, большое число имен, топонимов, титулов, терминов родства, заимствованной лексики и т.д. Также «необходимо провести сравнительное исследование древнекыргызского языка с языком эпоса на фонетическом и грамматическом уровне (соответствие “й — з” в середине имен и конце глагольных основ), материал эпоса может пролить дополнительный свет на процесс трансформации древнекыргызского языка в современный кыргызский» [Тенишев 1997: 29].

По-нашему мнению, ряд социальных детерминативов и антропонимов в тексте эпоса представляют интерес в плане сравнения их с лексикой ТРП. Использование в тексте терминов социального устройства отличается от семантики терминов в ТРП. Например, термины государственного устройства, власти и управления в эпосе используются сказителями соразмерно эпической трансформации и законам опосредованного поэтического отражения реальных исторических событий. Происходит в определенной степени метафоризация и метонимизация конкретного термина. Именно это в свое время и послужило причиной исчезновения и сохранения пратюркской лексики [Старостин 1982, Норманская 2007: 141] В сюжетной канве эпоса термин, обозначавший некогда высокий ранг или чин, используется в качестве эпитета или образной характеристики персонажа. Происходит семантическая девальвация термина из-за отсутствия реальной государственной ранговой соотносительности лексемы в эпосе, выпадения или утраты конкретной удельно-лестничной системы древнего общества в эпическом сказании. Тем не менее, большое количество общих исторических имен и терминов госустройства — титулов, чинов, должностей, рангов и антропонимов в ТРП и эпосе «Манас» вызывает соблазн поиска прототипов и идентификации не только персонажей, но и исторического среза или эпохи создания. На такую мысль наталкивает и вышесказанное мнение ученых об определенной степени схожести стилистических особенностей текстов ТРП и эпоса героического (постулат о фольклорном происхождении рунических памятников, историческая хроника + элементы

фольклора, эпическая стилистика + реальная повествовательная основа). Исследователями отмечены около 2000 антропонимов и около 300 социальных и военных детерминативов в текстах сказания. Это довольно большой корпус слов, который может послужить серьезной доказательной базой.

По данным некоторых исследователей удельный вес фольклора тюркоязычных народов составляет более 60% всей мировой базы устного поэтического творчества (включая все жанры). Если включить сюда весь объем фольклора народов урало-алтайского языкового массива, то это будет внушительная, если не решающая величина мировой эпической сокровищницы. Среди них видное место занимают героические сказания тюркских народов. Наряду с «Манасом» весь большой ряд огузских, карлукско-уйгурских и кыпчакских эпосов, начиная со «Сказания об Огуз-хане», «Алып-Манаше», «Короглы», «Алпамыше» и все малые формы кыргызских племенных эпосов: «Жаныш-Байыш», «Курманбек», «Саринжи Бькэй», «Эр Тьшт\к» «Кожожаш» и т.д. (все малые эпосы объемом около 10000 стихотворных строк) — основной источник реконструкции языка и этнической истории тюркских народов и племен.

Именно стадийный подход к изучению героического сказания позволяет сделать материал эпоса пригодным в плане реконструкции языка и истории. И здесь

на первый план выдвигается лексический уровень — из всех проявлений языка лексика имеет наибольшую объяснительную силу для исследования культуры. Используя функциональный подход в лексике эпического сказания необходимо выявлять функционально-семантические поля с внутренне связанными между собой элементами. Учитывая жанровую особенность, своеобразное отражение действительности в эпосе, необходимо вычленив реальную историческую событийность народа, этапы становления народа и языка. Ведь на самом деле, эпос не возникает эмпирически. Толчком к возникновению эпоса и началом его функционирования является реальный катаклизм или знаковое событие в истории народа, когда возникает необходимость обращения к эпосу.

Героический эпос, возникнув в народной среде, начинает долгую жизнь, передаваясь из уст в уста, от поколения к поколению. Устная форма существования эпоса отражает весь цикл жизненного пути народа, естественно, по своим канонам и формам народной памяти. Одно событие наслаивается на другое, одно явление переключается с другим, сказители по своему интерпретируют события, действия персонажей выражая свои симпатии и антипатии. Исследователям предстоит, вычленив все наносное и поверхностное, учитывая стадийное развитие эпоса, выявить искомое стержневое событие или эпоху, и определить время становление эпоса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ауэзов 1961 — Ауэзов М. О. Киргизская народная героическая поэма «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961.
2. Бартольд 1964 — Бартольд В. В. Сочинения. Т. II, ч. 2 М., 1964
3. Бернштам 1942 — Бернштам А. Н. Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942.
4. Бомбачи 1986 — Бомбачи А. Тюркские литературы. Введение в историю и стиль // Зарубежная тюркология. Вып. 1, М., 1986.
5. Жирмунский 1974 — Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л., Наука, 1974, С.-728
6. Кляшторный 1992 — Кляшторный С. Г. Эпические сюжеты в древнетюркских рунических памятниках // Восток, 1992 № 5
7. Кыдырбаева 1980 — Кыдырбаева Р. З. Генезис эпоса «Манас». Фрунзе, Илим, 1980
8. Малов 1951 — Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: текста и исследования. М.-Л.: АН СССР, 1951. — С. 452
9. Мелетинский 2004 — Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники (издание второе, исправленное). М., Восточная литература, 2004, С.-462
10. Мелиоранский 1898 — Мелиоранский П. М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // Журнал Министерства народного просвещения. 1898, № 6
11. Норманская 2007 — Норманская Ю. В. Анализ некоторых механизмов заимствования лексики // Отв. ред. Алексеев М. Е. Аспекты алтайского языкознания (сб.). М., 2007. С. 141–150.
12. Рухлядев 2005 — Рухлядев Д. В. Проблема жанра в изучении древнетюркских рунических памятников // Кляшторный С. Г. (предс.) Тюркологический сборник 2003–2004. Тюркские народы в древности и в средневековье. М., 2005. С. 203–253.
13. Садыков 1992 — Садыков Б. Д. Функции фольклорных жанров в художественном составе эпоса «Манас». Бишкек, 1992
14. Старостин 1982 — Старостин С. А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник: Антропология. Этнография, Мифология. Лингвистика. Л., 1982
15. Тенишев 1997 — Тенишев Э. Р. Древнекыргызский язык. Бишкек, 1997, С.-53
16. Тенишев 1997 — Тенишев Э. Р. Языки мира. Тюркские языки (ред.) М., 1997
17. Тугушева 1974 — Тугушева Л. Ю. Орхонско-тюркский и древнеуйгурский языки, их сходство и различие // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978
18. Унгвицкая 1971 — Унгвицкая М. А. Памятники письменности и песенный фольклор хакасов // Советская тюркология. 1971, № 5

19. Унгвицкая 1973 — Унгвицкая М. А. Хакассские героические сказания — «семейные хроники» и памятники енисейской письменности // Советская тюркология. 1973, № 2
20. Фалев 1992 — Фалев П. А. Как строится каракиргизская былина // Наука и просвещение. Ташкент, 1992, № 1
21. Aalto 1991 — Aalto P. The name and Emblem of the Turk Dynasty // Altaica Osloensia. Proceeding from the 32 Meeting of the PIAC. Oslo, 1991
22. Bazin 1964 — Bazin L. La literature epigraphique torque ancienne // Philologiae Turcicae Fundamenta. Bd. II. Wiesbaden, 1964
23. Bařgöz 1978 — Bařgöz I. The epic tradition among the Turkic Peoples // Heroic epic and Saga. An Introdition to the World's Great Folk Epics. Bloomington: London, 1978
24. Dankoff 1981 — Dankoff R. Inner Asian Wisdom Traditions in the Pre-Mongol Period // JAOS. 1981. Vol. 101, #1
25. Rona Tař 1991 — Rona Tas A. An Introdition in Turkology // Stadia Uralo-Altaica. T. 33. Szeged, 1991
26. Zamrazilova-Jakmir 1999 — Zamrazilova-Jakmir J. Script, language and narration in Old Turkic Texts // Writing in the Altaic World. Stadia Orientalia. T. 87. Helsinki, 1999

© Владимов Николай Владимирович (vladimov@mail.ru),

Гаджиева Анар Ахметбековна (nuanar@yandex.ru), Шериев Абдыганы Жээналиевич (oshagci@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации